

ПОЛИТИКА
ИДЕОЛОГИЯ

ЗА РУБЕЖ

ДОМУ И МИРУ

ЗАМЕТКИ О БОЛГАРСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

В маленьком зале Театрального училища имени Щукина царил атмосфера, какая бывает здесь обычно на вечерах водевиля, которыми славна эта театральная школа. Настроившись на самый легкомысленный тон, зрители с истинным дружелюбием следили за тем, как одаренные выпускники разыгрывают историю вражды двух горных болгарских деревень, что предьявили разом свои права на новость откуда-то взявшийся дирижабль. Анекдотический случай, описанный Йорданом Радичковым с национальной выразительностью и поэтике карнавальная раскованностью, казалось, не сулил никаких неожиданностей — игровые начала вахтанговской школы выявляли себя на студенческих подмостках с обезоруживающей открытостью.

И вдруг, вдруг в финале первого акта произошло нечто, что нарушило безмятежность отношений сцены и зрительного зала: дирижабль взмыл в небеса, унося с собой обитателей горных селений, примирив их возвышенной неожиданностью, объединив в восхищении перед величием и красотой мира и человека, способного воспарить над землей. Они летят над Балканами, покоренные могуществом человеческого разума и бесконечной красотой космоса, — и низменные их раздоры, те, что остались там, внизу, кажутся им мелкими и не стоящими природы человеческой...

Сколько раз на моих глазах это парадоксальное радичковское «вдруг» переворачивало отношения сцены и зала, заставляло вырваться за пределы бытового анекдота, шутки к безбрежности, к философской притче. Поэт силой своего таланта заставлял увидеть в привычном — необычное, в национальном — всечеловеческое, в сиюминутном — вечное.

В парадоксальных, точно рассчитанных сюжетных «перевертышах» — бесспорная сила драматургического видения Й. Радичкова. Все свои драмы — «Январь», «Лазорину», «Попытку полета» и другие — он начинает с обыденных разговоров, открывающих повседневные и земные крестьянские заботы. Но обыденность для него лишь оболочка, скрывающая великую силу и великую тайну жизни человеческой на земле.

Радичковские крестьяне вовсе не странствующие философы, пришедшие на сцену лишь для того, чтобы изречь несколько фраз, почерпнутых из сборника «Крылатые мысли». Они органичны и естественны в своих делах и словах, просто автор помещает их в самые необыкновенные, почти сказочные, предлагаемые обстоятельства, — и не перестаешь удивляться их непосредственной, естественной готовности к необыкновенному. Связанный с природным миром, с таинством зарождения и умирания жизни в природе и нового рождения, герой Й. Радичкова обостренно воспринимает великий круговорот бытия, в котором участвует человек, где он может быть добрым волшебником и злым гением.

Й. Радичков всегда пишет о болгарских крестьянах, о своем горном крае, где он родил-

ся и вырос, о земле, полнотой потом и кровью соотечественников и только потому — щедрой к тем, кто живет и работает на ней сегодня. И в самом облике писателя — угловато-крязистом, по-крестьянски степенном, словно ощущающем силу земного притяжения, — можно угадать нервущую связь его с местами, где он появился на свет. Он пишет о Болгарии и болгарях, он рассказал многое о национальном характере своего народа и красоте своей страны, но его драмы, написанные на крестьянском диалекте, рожденном в бесконечно знакомом и дорогом ему быте, неизменно открыты большому историческому бытию. Он пишет о доме, желая поведать о мире, чуждый каких бы то ни было идей национального или сословного избранничества. Он не идеализирует людей, которых выводит на подмостки своего театра, неизменно прослеживая их социальные сопряжения с миром, их временную, историческую обусловленность. Но он воссоздает конкретных людей, ощущая единство и множественность человечества, мечтая о времени, когда, отбросив все наносное, оно начнет решать главнейшие проблемы своей жизни.

При этом Й. Радичков обладает трезвым и реальным взглядом на мир, на людей, живущих в нем. Социальная практика властно вторгается в мир его философских притч, его персонажи зависимы от времени в не меньшей степени, чем от природы, и так же стремятся постичь историю, как законы космоса. Фольклорный метафоризм радичковского языка насквозь интеллектуален. Его драмы — это редкий литературный синтез «низа» и «верха» народной традиции и уточненного философствования — недаром его так трудно переводить на другие языки. Об этом как-то мы долго говорили с замечательным филологом, интеллигентнейшим Богданом Атанасовым, который сделал замечательный английский вариант «Попытки полета» (его, кстати, поставил в США Младен Киселов, впервые представил за океанскому зрителю современную сценическую культуру народной Болгарии).

Вообще об удивительном феномене болгарского языка часто говорят литераторы этой страны — Й. Радичков точно ощущает его праславянские корни, вековую неизменность многих слов, хранимых в монастырях в период османского нашествия. Болгарский язык сохранил звучность и торжественность таинства, ритуала. И одновременно в последние столет освежился бытовое лексикой, которая вбирала все наиболее емкое, что рождалось в разных регионах, все лучшее, что вошло в сознание и речь после рождения народной Болгарии.

Болгарские драматурги удивительно чутки к переменам языка — в языке отражают они бег времени метафорой — «скорописью духа» постигают сущность бытия. Не случайно в Болгарии поэты пишут драмы, а драматурги сочиняют стихи — поэтическое мироощущение определяет строй сценических со-

зданий Йордана Радичкова и Валери Петрова, Николы Русева и Ивана Радоева, Драгомира Асенова, Николая Хайтова, Кольо Георгиева... Не все из тех, кого я назвал, публикуют свои поэтические строки (Кольо Георгиев, например, первоклассный журналист, побывавший во многих «горячих» точках планеты), но их объединяет доверие к силе слова, его способности вбирать в себя самые сложные коллизии социальной практики и тончайшие движения души человеческой...

По мнению многих исследователей, современная болгарская драматургия переживает пору расцвета — убедительнейшее свидетельство этого реальная театральная практика: сегодня болгарская пьеса вышла далеко за пределы республики. Осмыслению этого феномена посвящена недавно вышедшая в Софии серьезнейшая и увлекательная монография «Болгарская драматургия 1944—1979. Направления и тенденции», принадлежащая перу известного болгарского публициста, главного редактора журнала «Театр» Юлиана Вучкова. Он много лет занимается театральной журналистикой, он знает реальную картину художественной жизни страны и потому с такой увлеченностью пишет о людях, которые сыграли столь важную роль в становлении социалистической культуры народной Болгарии.

Его книга — это своеобразная антология болгарской драматургии, на ее страницах представлены и старейшие мастера болгарской сценической литературы Георги Караславов, Камен Зидаров, Георги Джагаров, и совсем молодые, такие, как Станислав Стратиев, чьи сатирические комедии сегодня популярны во многих странах. Исторический экскурс, предпринятый Ю. Вучковым, во многом необходим для того чтобы понять, почему сегодня болгарская драматургия добилась такого расцвета, какими путями шло накопление сил, какие проблемы и противоречия приходилось решать тем, кто создавал новую драматургию Болгарии.

Болгарская драматургия сегодня — чуткий барометр социальной жизни страны. Она стремится к осмыслению важнейших проблем современности, пытается глубоко осмыслить место человека в своей стране, в мире, что его окружает, в стремительно мчащемся времени. Она постигает действительность напряженно, трезво и возвышенно, охватывая широчайший круг проблем, выражая их в самых разных жанрах: от документальной драмы до гротескной притчи. Ей подвластно многое: история и современность, события революционной борьбы и частный случай семейной жизни. Она несет людям правду о жизни, не боясь самых сложных проблем и конфликтов, ибо болгарские драматурги — люди мужественные и точно представляющие историческую перспективу. Они помнят о высочайшей ответственности писателя перед людьми и не страшатся ее. Им есть что сказать «дому и миру».

М. ШВЫДКОЙ.